

Рис. 8. Китей. Раскоп I. Крепостная стена.

В. А. ХРШАНОВСКИЙ

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ IV в. н.э. НА НЕКРОПОЛЕ КИТЕЯ

В последние годы на некрополе Китея было открыто несколько однотипных погребальных комплексов, относящихся к одному времени – второй–третьей четвертям IV в. н.э. Все они были обнаружены при исследовании или доследовании после грабителей больших склепов №№ 263, 265 и 269. Конструкция склепов различалась. Первый из них (№ 263) представлял собой большой двухкамерный склеп с полом, вымощенным плитами известняка и стенами из блоков и плит известняка [Хршановский 2001а, с. 178-186] (рис. 1). Вторым (№ 265) вырубной однокамерный склеп стены которого были надстроены блоками известняка [Хршановский 2001б, с. 138-141] (рис. 2). Третий (№ 269) также вырубной склеп, но без всяких признаков надстраивания стен или следов перекрытия (рис. 3).

Двухкамерный склеп № 263, полностью открытый в 1998-99 гг. на северо-западном участке, оказался одним из самых монументальных сооружений некрополя Китея. Его длина от начала дромоса до задней стенки большой камеры 14 м. Площадь большой камеры – около 25 м² (длина 5,5 м, ширина 4,2 м), малой – 5,8 м² (в плане правильный квадрат со стороной 2,4 м), дромоса – около 6 м² (длина 5 м, ширина от 1,5 до 1,1 м – сужается к входу в камеру). Склеп вытянут с юго-запада на северо-восток. Диаметр ограды из необработанных известняковых глыб (кромлеха?), охватывающей кольцом обе камеры склепа (до дромоса) – 11-12 м.

В мешаном, щебенчатом грунте заполнения большой камеры, помимо нескольких завалившихся внутрь блоков стен (или конструкции свода) находились многочисленные, сильно фрагментированные кости людей (мужские, женские, детские – всего не менее 15 особей), животных (лошадей, коров, овец или коз, козы или сайги, обломок клыка собаки) и птицы (связи), разбросанные в беспорядке. При этом некоторые кости животных были обожжены и погрызены собакой.

При разборке грабительских отвалов в большой камере склепа № 263 были найдены 3 медные монеты. Одна в мешаном грунте заполнения самой камеры склепа, две другие – за ее пределами. Монета из камеры Рескупорида V по Анохину [Анохин 1986, № 768а] или Рескупорида VI по Фроловой [Фролова 1997, табл. ХСII, 8-24] датируется 323-326/7 гг. н.э. Остальные – худшей сохранности не могли быть точно атрибутированы, но по косвенным признакам их датировка концом III – первой

Китей. Раскоп I. Крепостная стена.

второй половины IV в. не вызывает сомнений. При исследовании большой камеры склепа, в грабительских отвалах и мешаном грунте заполнения, не тронутым современными грабителями, было найдено еще 7 монет. Самой ранней из них оказалась медная монета Фофорса (291/292 гг.) [Анохин 1986, № 737, с. 172]. Следующая по хронологии – Радамсада (317/318 гг.) [Анохин 1986, № 762, с. 173] и Рескупорида V (326/7 гг.) [Анохин 1986, № 772, с. 174]. Четыре оставшихся монеты после полевой реставрации определенно не поддаются. Таким образом, последнее использование большой камеры склепа после второй четверти IV в. не вызывает сомнений.

В большой камере была найдена индикация с боспорской монеты Рескупорида IV (264/5 гг.) [Анохин 1986, №№ 708-710, с. 171]. Помимо индикации, здесь же были обнаружены еще несколько предметов из желтого металла: пронизь с круглой подвеской из фольги, бляшка каплевидной формы, обрамленная зернью, три одиночные рубчатые цилиндрические пронизи и две сдвоенных; веретенообразная пронизь, две нашивные бляшки – листовидной формы и круглая, фрагментированная серьга и россыпь фольги. Подобные украшения уже встречались на некрополе Китея в комплексах второй половины II – III вв. н.э.

Большинство предметов белого металла, найденных в камере, было сильно фрагментировано, но некоторые сохранили свою форму: выпуклый диск с заклепкой в центре, накладка с заклепками, наконечник ремня и часть щитка пряжки. Из бронзовых украшений, найденных здесь, необходимо отметить круглую вставку с сердоликом. Обнаруженные пряжки по типу ближе к III, чем к IV в. [Ср. Амброз 1992, Тип 2-7, с. 10]. Фибулы по некоторым деталям (обмотка на спинке) также могут быть отнесены к III в. н.э. Остальные бронзовые вещи: фрагменты перстня, подвески с ушком и бронзового зеркала (?) датирующими не являются. Из железных предметов необходимо упомянуть фрагменты мечей, ножей, многочисленных гвоздей и сильно корродированный наконечник стрелы.

В большой камере склепа были найдены две бронзовые подвески в виде мужских фигур, которые встречались в погребениях I-II вв. н.э. [Алексеева 1982, Тип 19В, с. 24]. Практически все найденные бусы укладываются в хронологические рамки I-IV вв., но среди бус, имеющих относительно узкую хронологическую вилку, преобладают поздние – III-IV вв. Помимо бусин, из стеклянных изделий в большой камере были найдены витой стержень и многочисленные фрагменты стеклянных сосудов (венчики, ручки, стенки), в том числе со следами гравировки, которые по заключению Н.З.Куниной появляются не ранее III-IV вв. н.э.

Сравнительно многочисленны и интересны были найденные здесь изделия из кости: фрагмент костяной трубки с рельефным орнаментом по окружности, два фрагментированных костяных стержня с навершиями и фрагментированные костяной диск и гребень.

Керамические изделия представлены красноглиняным светильником, плиткой с рельефным орнаментом (сарматским знаком?) и терракотовым рельефом в виде пальмет. Профильные фрагменты керамики в большой камере склепа № 263 были немногочисленны. Среди них были две ножки светлоглиняных широкогорлых амфор,

датируемые второй четвертью I в. до н.э. – серединой I в. н.э. Но подавляющее большинство – гораздо более поздняя краснолаковая керамика. Профили нескольких археологически целых краснолаковых чашек хорошо знакомы и по традиционной датировке не выходят за пределы III в. н.э. [Ср.: Сидантьева 1958, рис. 19,1, с. 309; рис. 12,1-2, с. 298]. На дне одной чашки имелось граффито в виде креста. Среди остальных находок в большой камере заслуживают упоминания также две керамические пластины, ножка лепного светильника, фрагментированный осколок галька с отверстием («куриный бог») и астрагал с отверстием.

В малой камере склепа № 263, на всей площади, на высоте 0,3-0,4 м над уровнем пола, под слоем грунта с большим включением щебня было открыто *in situ* (в отличие от находок в большой камере) скопление костей человека и животных (свиньи и овцы или козы), многочисленные фрагменты керамики и стекла, несколько золотых пятец, печина. В нижних слоях значительно увеличилось количество человеческих костей, в том числе и черепов. Однако, какой-либо порядок или закономерность в их расположении установить не удалось. На самом полу камеры было обнаружено несколько вещей из погребального инвентаря: горло и ручка стеклянного сосуда, краснолаковая тарелка, развал лепного горшка, лепной светильник на высокой ножке и развал еще одного краснолакового сосуда. В западном углу камеры лежала яйцевидная галька.

Помимо уже упомянутого погребального инвентаря, зафиксированного *in situ*, под щебенчатой засыпкой, в нижнем слое заполнения камеры на разных уровнях и без какой-либо системы были найдены 10 медных монет и 1 монета белого металла. В хронологической последовательности они располагаются следующим образом: монета белого металла (статер?) 264/265 гг. Рескупорида IV [Анохин 1986, № 712, с. 171]; медная монета 296/297 гг. (?) Фофорса [Анохин 1986, № 741, с. 172]; медная монета 297/298 гг. Фофорса [Анохин 1986, № 742В, с. 172]; медная монета 302/303 гг. (?) Фофорса [Анохин 1986, № 747, с. 172]; медная монета 324/325 гг. Рескупорида V [Анохин 1986, № 770, с. 174]; две медные монеты 325/326 гг. Рескупорида V [Анохин 1986, № 771Г]; медная монета 326/327 гг. Рескупорида V [Анохин 1986, № 772Е]; малый медный номинал императора Константина (?) и еще две медные монеты, которые после полевой реставрации не были определены. Не вызывает сомнений то, что все эти монеты были использованы одновременно и, следовательно, верхнюю границу комплекса в малой камере определяет самая поздняя монета. Из этого следует, что в последний раз склеп был использован после 327 г. н.э., а скорее всего какое-то время спустя, ближе ко второй-третьей четверти IV в. н.э.

В малой камере, как и в большой, было найдено несколько предметов из желтого металла: перстень с сердоликовой вставкой, две круглые нашивные бляшки с рубчатым орнаментом и одна прямоугольная (с рельефным) и фрагменты погребального венка из фольги. Бронзовые предметы представлены здесь гладкопроволочной серьгой с бусиной и, по всей вероятности, петлеобразной застежкой, распространенной в I-II вв. н.э. [Высотская 1994, рис. 32,10, с. 107]. III веком датируются, уже знакомые по находкам из большой камеры, фибула с широкой пластинчатой спинкой и овальная

бронзовая пряжка со свисающим язычком. Остальные бронзовые предметы – фрагменты зеркала и других предметов – ничего для датировки не дают.

В малой камере, как и в большой, были найдены два фрагментированных костяных стержня. Первый имел зооморфное навершие (собака?). Бусы суммарно вписываются в хронологическую вилку II-III вв. Краснолаковые чашки и тарелки из малой камеры практически не отличаются по своим профилям от аналогичной посуды из большой камеры и, соответственно, традиционно должны датироваться III в. н.э., но могут быть и более поздними. На дне одной из краснолаковых тарелок также была обнаружена часть граффито в виде креста. Среди развалов краснолаковых тарелок в малой камере был найден и развал лепного горшка, а также почти целый лепной светильник. Не случайно оказалась в углу камеры и яйцевидная галька.

Сопоставляя материал из большой и малой камер склепа № 263, можно отметить, что в целом он однотипен и синхронен. По всей вероятности, в последний раз обе они были использованы одновременно в качестве погребального (или погребально-поминального) сооружения во второй – третьей четверти IV в. н.э. При этом трудно представить себе, чтобы такой склеп был сооружен ради зафиксированного здесь обряда. Остается предположить, что он был сооружен раньше, судя по части погребального инвентаря во второй половине II – III вв. При этом не исключено, что потенциально синхронный склепу инвентарь был вторично использован уже после его разрушения, в открытом погребально-поминальном комплексе IV в. По всей вероятности, тогда же склеп № 263 был окружен овальной в плане оградой из необработанных глыб известняка.

Второй склеп – № 265 – имел правильную прямоугольную форму и был ориентирован по оси юго-запад-северо-восток с небольшим смещением, соответственно, к западу и востоку. Верхняя кромка стен склепа находилась на глубине от 0,25-0,3 до 1,5 м от современной дневной поверхности.

С западной стороны к камере склепа подводил вырубленный в скальном массиве и надстроенный отдельными камнями дромос. Длина его 1,7-1,8 м, ширина от 1,35 до 1,15 м (сужается к входу в камеру). Камера была отделена от дромоса подрубой-порогом шириной 0,3-0,35 м и высотой 0,2 м. Сама камера имела форму правильного прямоугольника длиной 4,7-4,8 м, шириной 3,7 м. Она была вырублена в скальном массиве (сильно растрескавшемся к настоящему времени). Стены высотой до 1,5 м, судя по всему, были надстроены. Об этом свидетельствуют три мощных блока известняка правильной формы (0,8x0,9x0,5 м; 0,9x0,6x0,4 м; 0,8x0,6x0,35 м), лежащих на грунте заполнения камеры вдоль северной стены (на высоте 0,8-0,9 м от уровня пола), и другие блоки известняка меньшего размера, обнаруженные в среднем слое.

Между средним и верхним слоями над всей камерой склепа был выявлен мощный (до 0,6 м) слой засыпки из щебня и мелких камней. Над ними (с небольшим смещением к востоку по отношению к камере склепа) из десятка необработанных глыб известняка округлой формы (в среднем 0,8x0,9 м) был выложен овал, вытянутый с востока на запад (длина 5,6 м, ширина 2,8-3 м). Внутри огороженного пространства, почти над самой серединой камеры находилась конструкция из трех камней неправильной формы

(0,4x0,8 м; 0,5x0,8 м; 0,6x0,7 м) и нескольких более мелких (возможно, алтарь?). Подтверждением этому может служить обнаруженное под конструкцией горло кружального сосуда, врытое в грунт заполнения расширяющейся частью кверху.

Под блоками, упавшими внутрь камеры, были обнаружены четыре прямоугольные известняковые плиты, стоящие на ребрах, вплотную, перпендикулярно северной стене. Первая (длина 0,6 м, высота 0,45 м, толщиной 0,1 м) стояла в юго-восточном углу камеры вплотную к восточной стене; вторая (соответственно 0,38x0,45x0,12 м) на расстоянии 0,75 м от первой; третья (0,5x0,38x0,1 м) – на расстоянии 0,92 м от второй, четвертая (0,5x0,4x0,11-0,12 м) – на расстоянии 0,7 м от третьей. Над первым и вторым «отсеками» сохранились перекрывающие их сверху плиты. Над первым перекрытие сохранилось лишь в западной половине (размер перекрывающей плиты правильной прямоугольной формы 0,4x0,5 м, толщина 0,12-0,15 м). Вторым был перекрыт полностью плитой подпрямоугольной формы (соответственно – 0,9x0,5x0,1-0,15 м).

В первом «отсеке», вплотную к отделяющей его от второго перегородке, стоял лепной горшок, покрытый крышкой, сделанной на гончарном круге. Здесь же были найдены три бронзовые пряжки и бронзовый диск с отверстием. Во втором «отсеке», кроме двух человеческих черепов и разрозненных костей, были найдены еще две пряжки и несколько бусин. В третьем – медная монета, три бронзовые пряжки, несколько бусин и пронизей, бронзовая фибула, краснолаковая тарелка и изделие из кости. Находки не помогают понять функциональное назначение «отсеков». В качестве рабочей, но не окончательной, гипотезы можно предположить, что это лежанки, известные в склепах римского времени.

В грабительском отвале и беспорядочном скоплении костей в верхнем слое над камерой склепа находились останки не менее 6 взрослых мужчин, 9 взрослых женщин, 2 взрослых людей неопределимого пола, 2 подростков 14-17 и 12-15 лет, ребенка около 8 лет, 2 детей 4-5 лет и 2 детей около 1 года.

Разрозненные костяки, найденные в камере на уровне пола, принадлежали 3 женщинам (40-50, 35-50 лет и взрослой), 5 взрослым мужчинам (одному из них было 35-40 лет) и 4 детям (8-10, около 8, около 5 и 3-4 лет). Небезынтересно, что ниже уровня, на котором лежали перечисленные выше костяки, находились останки еще не менее 2 взрослых мужчин, 3 женщин и ребенка в возрасте около 5 лет. На фрагменте правой лучевой кости имелись следы окислов бронзы. Можно предположить, что они принадлежали к первоначальным захоронениям в склепе № 265. Беспорядочное скопление костей у дромоса – фрагментарные останки не менее 3 взрослых и ребенка 9-10 лет, переброшенные из другого места.

Палеозоологический анализ позволил выявить в нижнем слое камеры склепа таранные кости 7 взрослых овец или коз, таранные кости 3 взрослых домашних овец, птицы и лошади (верхний зуб).

Подавляющее большинство находок было сделано в нижнем слое заполнения камеры, непосредственно над полом (материковый суглинок) среди беспорядочного скопления фрагментированных черепов и костей человека. Проблема с датировкой склепа № 265 решается как будто просто. Среди находок – 10 медных монет. Самая

ранней из них – Рескупорида IV, датированная 266/7 гг. н.э. [Анохин 1986, № 714], самая поздняя – Рескупорида V (или Рескупорида VI) 328/29 гг. [Анохин 1986, № 774]. Между ними в хронологическом порядке все остальные расположились следующим образом: 2 монеты Фофорса, одна 286/87 гг. н.э. [Анохин 1986, № 731], другая – 298/99 гг. н.э. [Анохин 1986, № 743] и 7 монет Рескупорида V: две 322/23 гг. [Анохин 1986, № 768а], две 324/25 гг. [Анохин 1986, № 770а], 327/328 гг. [Анохин 1986, № 773а], 328/29 гг. [Анохин 1986, № 774] и одна – того же Рескупорида V, ближайший аналог лицевой стороны которой есть у Н.А. Фроловой [Фролова 1997, табл. ХСІ, 24], а оборотной (бюст императора вправо, слева палица) – не обнаружен.

Таким образом, по самой поздней монете комплекс должен датироваться тем же временем, что и в склепе № 263 – второй-третьей четвертью IV в. н.э. Расхождения в их датировке в несколько лет или даже десятилетий у В.А. Анохина и Н.А. Фроловой в целом картины не меняют.

Помимо монет, в склепе был и другой датирующий материал. К нему относятся многочисленные бронзовые пряжки. Подавляющее большинство из них – круглые или овальные без щитков. Но есть и с маленьким круглым щитком, и с плоским двучленным щитком, скрепленным скрепкой, которые считаются поздним вариантом этого типа, распространенным во II-III вв. н.э. и доживающим до раннего средневековья [Высотская 1994, рис. 31, тип 5, 6, с. 104]. По еще одному признаку – свисающему язычку – их можно считать близкими (если не идентичными) и к хоботковым пряжкам, распространенным в IV в. н.э. [Амброз 1992, с. 13, табл. I, 2, 8-10; Айбабин 1990, рис. 22, 6-13]. Близкий аналог двум прогнутым подвязным фибулам с расширяющейся к приемнику ножкой также датируется второй половиной III-IV в. н.э. [Амброз 1992, табл. II, 2; Амброз 1994, рис. 2, 4]. Более раннюю датировку I в. до н.э. – II в. н.э. дают бронзовые браслеты: одновитковый с завязанными концами и пластинчатый, также с завязанными концами, и с утолщениями на концах [Высотская 1994, с. 110, рис. 33, тип III, IV, V]. Из бронзовых предметов еще заслуживают упоминания две круглые пластины: одна с пробитым круглым отверстием, вторая – с рельефным орнаментом в виде выпуклого круга в центре и таких же выпуклых точек по всей окружности. Фрагменты найденных здесь бронзовых предметов – браслетов, фибул, пряжек – были достаточно многочисленны. Железные предметы – в основном в виде фрагментов ножей и пряжек – встречались гораздо реже.

В склепе № 265 было найдено много пронизей и бусин. Среди них оказалась стеклянная пронизь из прозрачного желтовато-зеленого стекла в виде односторонней плакетки с рельефным изображением идущего льва, аналог которой не обнаружен. При достаточно большом и характерном для бус временном разбросе, поздние (II-IV вв.) явно преобладают над остальными. Если сильно фрагментированные стеклянные кувшинки не поддаются датировке, то многочисленная целая и археологически целая краснолаковая посуда из склепа такую возможность предоставляет. Ее профильные фрагменты в большом количестве встречались в грабительских отвалах. Но и в нижнем слое, на полу, оказалось несколько краснолаковых чашек, тарелок, кувшин и миниатюрный (вотивный?) кувшинчик. Среди открытых краснолаковых сосудов

преобладали чашки и тарелки с вогнутым бортиком, характерные для III в. н.э. [Кругликова 1958, рис. 28, 1, с. 252; Силантьева 1958, рис. 12, 1-2; 14, 1]. Тем же временем датируется большая плоская тарелка (блюдо) с округлым, загнутым внутрь краем [Кругликова 1958, рис. 28, 1, с. 252; Силантьева 1958, рис. 15, 1]. Профиль чашки с плоским, отогнутым наружу и скошенным вниз венчиком восходит к образцам II в. н.э. [Силантьева 1958, рис. 9], но встречается и в III [Там же, рис. 11] и в IV вв. [Айбабин 1990, рис. 5, 1, с. 15]. Некоторые образцы имеют близкие аналогии в керамике II в. н.э. [Силантьева 1958, рис. 5, 2; 5, 5].

На внешних стенках нескольких сосудов имелись граффито. На одной тарелке – в виде X, на чашке – в виде двух параллельных линий. Еще на одной чашке – буквы X, A и Λ. Среди краснолаковой керамики III в. близкие к нашему кувшину и миниатюрному кувшинчику не обнаружены. Но в целом найденная в склепе краснолаковая керамика вписывается в традиционную датировку III в. н.э. И между ней и самыми поздними монетами сохраняется временной зазор от четверти до полувека.

Из кружалной керамики необходимо отметить два кувшина: с округлым туловом и легким рифлением по расширяющемуся горлу и вытянутым туловом и гладким расширяющимся горлом. Среди лепной керамики выделяются два открытых лепных светильника на высоких ножках. При описании находок в северо-восточном углу камеры склепа уже упоминался стоявший под «лежанкой» лепной горшок с кружалной красноглиняной крышкой. Возле костяка со скрещенными в голених ногами рядом с краснолаковым кувшином зеркально по отношению к нему (горлом к дну) лежал лепной. В лепной миске из юго-западного угла лежали два камушка (гальки). Еще одна галька находилась в лепном кувшинчике. На полу камеры были обнаружены зооморфная ручка, несколько лепных мисок и кувшин. Из находок в склепе № 265 осталось упомянуть горло кувшина, врытого в грунт в нижнем слое и, возможно, использовавшегося для жертвенных возлияний и неоднократно встречавшиеся в грунте заполнения морские раковины и камешки.

Время последнего использования склепов №№ 263 и 265 совпадает – вторая-третья четверть IV в. н.э., при том, что некоторые найденные в них вещи традиционно относятся к III или даже II вв. н.э. Блоки из известняка, обнаруженные внутри камеры склепа № 265, свидетельствуют о том, что при сооружении склепа стены его, вырубленные в скале, были надстроены. На них, по всей вероятности, должен был опираться перекрывавший камеру свод, разрушенный ко времени последнего использования склепа. После этого камера была просто засыпана щебнем, и над ней был сооружен «алтарь» из трех камней, окруженный овалом из необработанных глыб известняка. Таким образом, получается, что склеп № 265 также был сооружен во II-III вв. н.э., а затем использован для погребально-поминальных обрядов после первой трети IV в.

Последний из трех открытых склепов – № 269 – как уже отмечалось, в отличие от двух предыдущих, не имел никаких признаков надстраивания стен или перекрытия. Остается предположить, что он был просто по всей площади камеры засыпан мощным

слоем щебня (до 1,5 м). Раскрытая на глубине 1,4-1,7 м (от уровня пола до дневной поверхности) камера склепа в плане имела подпрямоугольную форму. Длина западной стенки 4,1 м, восточной – 4,6 м, северной – 5,3 м, южной – 5,2 м. Она была ориентирована по оси запад-восток с небольшим смещением, соответственно, к югу и северу. Камера была вырублена в пласте известняка, имеющем заметный уклон к западу, и материковой глине.

Погребальные комплексы были зафиксированы над полом камеры, преимущественно в восточной и западной частях. У восточной торцевой стенки был обнаружен частично сохранившийся костяк человека в анатомическом порядке: на спине, головой на северо-восток, левая рука вдоль туловища, правая не сохранилась, ноги параллельно. Как показал антропологический анализ, это был мужчина в возрасте около 20-25 лет. К северу от него находились беспорядочные скопления человеческих костей. Они принадлежали 3 мужчинам (45-55, около 30 лет и взрослому), 3 женщинам (45-60, около 30 лет и взрослой) и 4 детям (10-12, около 7, около 4 и около 3 лет). В верхних слоях и грабительских отвалах находились разрозненные фрагменты 2 взрослых (мужчины и женщины) и 2 детских костяков. Они производили впечатление случайно выброшенных и, возможно, принадлежали тем же взрослым и детям, останки которых были обнаружены в нижнем слое.

Как выяснилось в результате палеозоологического анализа, в слое над скоплениями человеческих костей находились астрагалы (таранные кости) не менее 8 взрослых овец или коз. 22 кальцинированные кости крупных животных не поддавались определению.

Установить какую-либо закономерность в расположении погребального инвентаря и его принадлежность тому или иному погребенному не представлялось возможным. Исключением являлась лишь медная монета, найденная на уровне таза единственного сохранившегося в порядке костяка погребенного и развалы двух краснолаковых тарелок, лежащих *in situ* к северу от его головы. В этой же южной части раскопа заслуживают упоминания серьга и пронизь из желтого металла, найденные в 0,7-0,8 м к западу от краснолаковых тарелок.

К югу от этого комплекса находилось угольное пятно неправильной овальной формы (0,35x0,6 м), вытянутое с юга на север. В нем, помимо бусин, были найдены еще три медные монеты, а в непосредственной близости – 0,05 м к югу и 0,3 м к северо-востоку – еще две. Небезынтересно, что возле первой лежала ножка амфоры, а возле второй – яйцевидная галька. В этом же квадрате, среди беспорядочно лежащих человеческих костей, были найдены развалы трех стеклянных кувшинов и маленькая (детская?) бронзовая гривна. В соседнем квадрате – развал лепного кувшинчика и еще одна (седьмая) медная монета.

К северу от того же комплекса было обнаружено еще одно угольное пятно (0,6x0,3 м) с фрагментами керамики. Неподалеку от него в скоплении человеческих костей были найдены бронзовая пряжка, надетая на кость, перстень желтого металла, с вставкой из белого слоистого камня и индикация желтого металла с оттиском головы римского императора (по предположению сотрудника Гос. Эрмитажа О.Я.Неверова –

Максимина), детский одновитковый бронзовый браслет и красноглиняный свистильник.

Абсолютным хронологическим ориентиром этого комплекса являются монеты. Из 7 найденных в этом комплексе монет после полевой реставрации с большей или меньшей степенью вероятности удалось определить 6. Определенные монеты делятся на две хронологические группы. К первой относятся две монеты Рескупорида I [Анохин 1986, №377, 380] или Рескупорида II [Фролова 1997, табл. XXXI,4-15; XXXIII,13] датируется соответственно 86-92 гг. н.э. или 80-93 гг. н.э. Ко второй – три монеты Фофорса, датируемые соответственно 287/288, 291/292, 294/295 гг. н.э. [Анохин 1986, № 733, 737, 739] и монета Рескупорида V 322/323 гг. [Анохин 1986, № 768a], или Рескупорида VI 314 г. [Фролова 1997, табл. LXXXVI,21-22]. Последняя (седьмая) по некоторым признакам, возможно, не боспорская, а византийская с портретом императора Константина, но из-за очень плохого состояния более точному определению она не поддается. Если на индикации портрет римского императора Максимина Дайя, то монета, с которой она сделана, была отчеканена между 309 и 313 гг. Таким образом, временной разрыв между самыми ранними и самыми поздними монетами из комплекса составляет 2 века – с конца I по начало IV, и верхней границей его функционирования вновь, как и в предыдущих склепах, оказывается вторая-третья четверть IV в. н.э.

Другой датирующий материал также дает достаточно большой временной разброс. Так, серьги с петелькой для застежки на одном конце и крючком на другой встречаются на Боспоре в погребениях I-III вв. Но золотые, как наша, на некоторых некрополях (Усть-Альминском) только в комплексах рубежа и первой половины I в. н.э. [Высотская 1994, с. 106-107]. Бронзовые браслеты со сходящимися концами датируются широко – I-III вв. н.э. [Высотская 1994, рис. 33, тип VII, с. 109], с завязанными концами уже – I в. до н.э. – II в. н.э. [Там же, тип III]. До недавнего времени считалось, что шейные гривны не встречаются позже I-II вв. н.э. [Дашевская 1991, с. 38]. В то же время, найденные здесь овальные бронзовые пряжки со свисающими язычками характерны для III в. н.э. [Дашевская 1991, табл. 63,20-22, с. 36] или даже для IV в. н.э. [Айбабин 1990, рис. 22,6-11]. Фибулы из этого комплекса сильно фрагментированы, но и они хронологически близки пряжкам. Довольно многочисленные фрагменты железных мечей (меча) и железные гвозди ничего нового для датировки не дают.

Найденные в восточном комплексе склепа № 269 бусы были достаточно многочисленны. Некоторые из них были распространены на протяжении всей античности, но особенно в I-II вв. н.э. (гагатова пронизь), некоторые – в первые века н.э., но подавляющее большинство – во II-III, III-IV или только IV в. н.э. (пронизь из коралла).

Давать какую бы то ни было узкую датировку по развалам трех стеклянных сосудов из-за отсутствия профилей не представляется возможным. Гораздо полезнее могут быть для этого две археологически целые краснолаковые тарелки. Близкие по форме тарелки традиционно датируются II в. н.э. [Силантьева 1958, рис. 5,1,2, с. 290]. Более поздним (IV в.?) представляется светлоглиняный кувшин с крупным рифлением по широкому горлу. Среди находок заслуживают упоминания также маленький закрытый

красноглиняный светильник со следами копоти на коротком носике, ножка от открытого светильника, развал лепного кувшинчика. На одном из красноглиняных фрагментов (с внутренней стороны) имелось граффито в виде креста.

В середине камеры, разрушенной грабительским шурфом, находок не было. У западной стенки камеры склепа, также на уровне пола, были обнаружены многочисленные человеческие кости, лежащие в беспорядке. Установить какую-либо закономерность в расположении погребального инвентаря и его принадлежность тому или иному погребенному не представлялось возможным. В северо-западном углу камеры среди беспорядочно лежащих костей обращали на себя внимание сложенные стопкой три краснолаковые тарелки. Возле них были найдены красноглиняный светильник с рельефным орнаментом на щитке и еще одна краснолаковая тарелка.

Антропологический анализ показал, что костяки лежали перекрещивающимися слоями. Среди них поддавались распознаванию череп ребенка 7-8 лет, костные останки двух подростков 10-15 лет, и одного 15-20 лет, четырех женщин 30-40 лет (у одной из них имелся ротационный перелом левой малой берцовой кости) и мужчины 30-40 лет. Некоторые кости были обожжены. В грабительском отвале были обнаружены костные останки не менее 11 человек: ребенка 3-5 лет, двух подростков 10-15 лет, двух мужчин 30-45 лет и одного 45-55 лет и еще 6 взрослых человек. На некоторых шейных позвонках и длинных костях имелись следы бронзы.

Помимо человеческих костей в отвале находились отчасти уже встречавшиеся в восточной части камеры кости животных (лошади, коровы, свиньи, овцы или козы, собаки) и птиц (чернозобой гагары, степного жаворонка, садовой овсянки, скворца и домашней курицы). Многие кости были обожжены.

Абсолютным хронологическим ориентиром комплекса западной части камеры, стали медные монеты. В отличие от восточного комплекса, все монеты относились к одной хронологической группе III – первой трети IV вв. н.э. Самая ранняя из них – двойной денарий Иннифимея (234/235–238/239 гг. н.э.) [Анохин 1986, № 678, с. 169]. Следующая – медная монета Фофорса (294/5 гг. н.э.) [Ср. Анохин 1986, № 739, с. 172] и самая поздняя – Рескупорида V (324/5 гг. н.э.) [Ср. Анохин 1986, № 770А, с. 176].

Найденные в этом комплексе фибулы были сильно фрагментированы. Но в целом близкие по типу фибулы с широкой пластинчатой спинкой (А) [Высотская 1994, Тип XXI, с. 102], с высоко поднятой спинкой (Б) [Высотская 1994, Тип XX, с. 102, табл. 20, рис. 18] или со спинкой, обмотанной спиралью [Высотская 1994, Тип XIX, с. 101] характерны для второй половины II – III вв. н.э.

Уже встречавшиеся в восточной части овальные бронзовые пряжки со свисающими язычками были распространены в III в. н.э. [Дашевская 1991, табл. 63, 20-22, с. 36] и даже заходили в IV в. н.э. [Айбабин 1990, рис. 22, 6-11]. Бронзовые пинцеты, перстень и многочисленные фрагменты бронзовых и железных предметов (в том числе гвоздей) ничего нового в датировку комплекса не вносят.

В этой части раскопа также было найдено довольно большое количество бусин, распространенных в римское время, преимущественно в III-IV вв. н.э. Сильно фрагментированные стеклянные сосуды по имеющимся обломкам узко не датируются.

Из неординарных находок заслуживает упоминания костяной гребень.

Судя по местоположению, бесспорно синхронны погребениям многочисленные фрагменты и развалы краснолаковых тарелок и чашек. Профили найденных здесь тарелок характерны для II в. н.э. [Силантьева 1958, рис. 5.2, с. 290] или III в. н.э. [Силантьева 1958, рис. 15.1, с. 302]. Краснолаковые чашки с вертикальными или слегка скошенными внутрь, горизонтально отогнутыми или отогнутыми наружу бортиками так же восходят к II-III вв. [Ср. Силантьева 1958, с. 294, 298, 302, рис. 8.1; 12.1; 15.2]. На дне одной из чашек было обнаружено граффито в виде буквы А. Среди прочих находок необходимо упомянуть красноглиняный светильник с коротким носиком и рельефными бугорками на щитке и развалы лепной мисочки и лепного кувшина.

Таким образом, и в комплексах склепа № 269 фиксируется некоторый хронологический разрыв между традиционной датировкой погребального инвентаря, в том числе краснолаковой посуды, и его бесспорным (по монетам) использованием после первой четверти IV в. н.э.

К западу от камеры склепа был открыт дромос подквадратной формы (3,2x3,4 м) с двумя вырубленными в скальном массиве ступенями. В дромосе и на границе между дромосом и камерой были выявлены следы ритуальных действий. В грунте заполнения на уровне верхней ступени, ведущей в дромос (и на 0,3 м выше уровня пола в камере) было обнаружено зольное пятно овальной формы (0,5x0,25 м), вытянутое с юга на север. По обеим сторонам у оконечностей этого пятна были найдены две яйцевидные гальки. На уровне нижней ступени, прямо напротив входного проема были обнаружены следы совершавшихся здесь ритуальных действий (тризны?) – пятна обожженной глины (печины) с углями, золой, фрагментами лепных, красноглиняных, чернолощеных и краснолаковых сосудов со следами копоти, стенки амфор и обломок стекла, развал обожженной бусины. Интересный комплекс представлял собой перевернутый вверх дном лепной горшок, рядом с которым находились фрагменты лепной миски и красноглиняного кружального сосуда, а под ним – ножка гераклеийской амфоры, явно использованной вторично. Здесь же были найдены клешня краба и зуб коровы. Интересный сам по себе ритуальный комплекс в хронологию сооружения ничего принципиально нового не вносит. По совокупности же всех найденных материалов хронологическая вилка функционирования склепа № 269 получается достаточно широкой – III-IV вв. н.э. Время последнего использования, как и в склепах №№ 263 и 265 – вторая-третья четверть IV в. н.э. Однако, в отличие от них, здесь нет никаких следов разрушения первоначальных конструкций и первичного использования. Склеп № 269 и зафиксированные в нем обряды представляются вполне адекватными друг другу и, соответственно, синхронными. Если это так, то необъяснимым остается наличие в погребальных комплексах инвентаря, традиционно относящегося к III или даже II вв. н.э.

Обнаруженные в трех описанных выше склепах погребальные комплексы позволяют выделить на некрополе Китея во второй-третьей четверти IV в. н.э. определенную погребальную культуру, обладающую целым рядом описанных выше специфических черт.

ЛИТЕРАТУРА

Айбабиди А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Симферополь, 1990. Вып. I.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978.
Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982.
Амброз А.К. Боспор. Хронология раннесредневековых древностей // Боспорский сборник М., 1992. №1.
Андреев В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986.
Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991.
Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований 1947-1951 гг. // МИА 1958. №85.
Сидячихина Л.Ф. Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. №85.
Урбанова Н.А. Монетное дело Боспора. Части I-II. М., 1997.
Хрещановский В.А. Двухкамерный склеп римского времени // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья. Материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001а.
Хрещановский В.А. Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея // Ольвия и античный мир. Материалы научной конференции. Киев, 2001б.

KHRSHANOVSKY V.A.

BURIAL COMPLEXES OF THE 4th CENTURY AD IN THE NECROPOLIS OF KYTEI

Summary

Recently some funeral complexes of the same type were discovered on Kytei necropolis. All of them have been found out during the investigations of large crypts of different constructions or re-investigations of them after robbers. One of them represented vast double-chamber crypt with floor flagged with limestone and walls constructed of limestone blocks and plates. Another one was a stamp single-lift crypt; its walls were built over with limestone blocks. The third one was also stamp crypt but without any signs of wall-raising and traces of overlapping. It was the third crypt, filled up with thick layer of soil mixed with detritus, which represented the construction contemporary to the burial inside. The two previous above mentioned seem to have been raised before and used for the second time.

According to the coins found in funeral complexes – mainly dating back to the last quarter of the 3rd – the first quarter of the 4th century – all of them have the same low chronological limit. Similarity of the fixed burial ceremony, set of funeral inventory, traces of funeral feasts allow to distinguish on Kytei necropolis sepulchral culture, which possesses a number of traits and of no doubt belongs to the 2nd – 3rd quarter of the 4th century AD.

Рис. 1. Некрополь Китея. Склеп № 263.

Рис. 2. Некрополь Китя. Склеп № 265.

Рис. 3. Некрополь Китя. Склеп № 269.

ШОНОВ И.В.

О МОНЕТНОЙ ЧЕКАНКЕ ФЕОДОСИИ последней четверти V – начала IV вв. до Р. Х.

В августе 2000 г. на сельском поселении в округе Феодосии в одном и том же месте одновременно были найдены три монеты, которые, очевидно, находились в кошельке. Две из них относятся к ранней чеканке Феодосии, а одна – к чеканке Фанагории.

Их описание:

1. Л.С.: Мужская голова вправо. О.С.: В квадратной рамке голова быка вправо, справа - ΘΕΟΔΕΟΣ. Серебро. Диобол. Вес – 1,49 г (Рис.1,1).
2. Л.С.: Голова Афины в шлеме вправо. О.С.: Букракий. Легенда по сторонам и вверху - ΘΕΟΔΕΩ. Серебро. Диобол. Вес – 1,41 г (Рис.1,2).
3. Л.С.: Голова кабира в конической шапке влево. О.С.: Голова быка влево, справа зерно, сверху - ΦΑ. Серебро. Диобол. Вес – 1,65 г (Тип: Анохин, 1986, табл.2, 84).

Кроме этого, в 2001 г. на других поселениях в округе этого полиса были найдены три серебряные монеты следующих номиналов:

1. Монета идентичная №2, но чеканенная другим штемпелем. Диобол. Вес – 1,47 г (Рис.1, 3).
2. Монета по иконографии идентичная № 2. Серебро. Обол. Вес – 1,09 г (Рис.1,4).
3. Монета по иконографии идентичная № 2. Серебро. Тетраобол. Вес – 3,19 г (Рис.1,5)*.

А также на разных поселениях сельской округи Феодосии нами зафиксированы 30 медных монет феодосийской чеканки, являющихся лентами [Анохин, 1986, с.139, № 76]; 9 дихалков [Мельников, 2000, с.216, 11]; 2 халка [Мельников, 2000, с.216, 10].

На основании этого нумизматического материала и материалов археологических раскопок и разведок сельских поселений в округе Феодосии [Гаврилов, 1998, с.110; Он же, 1999, с.83] можно сделать следующие предположения о развитии монетной чеканки этого полиса в период с середины 30-х гг. V по конец первого десятилетия IV вв. до н.э. Внутри данного периода я выделяю три последовательных этапа: I – независимой чеканки полиса; II – период афинского влияния; III – период гераклейского влияния на монетное дело Феодосии.

* Пользуясь случаем, выражаю искреннюю благодарность феодосийскому коллекционеру Олешуку А.Р. за предоставленные слепок и весовые данные.